

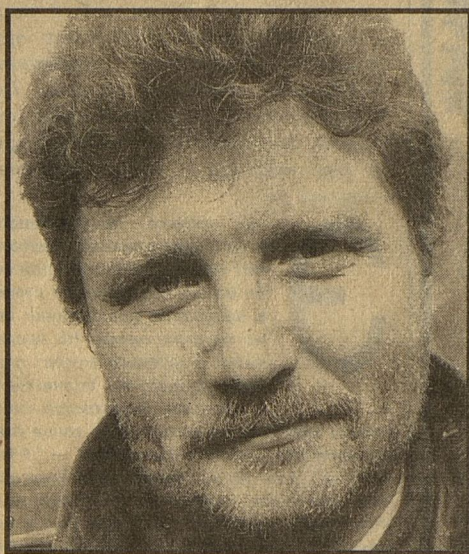
ВСТРЕЧИ

1-9 апр.
Томск - 1995.

Наш корреспондент встретился с писателем Юрием Поляковым, автором нашумевших повестей "ЧП районного масштаба", "Сто дней до приказа". В предлагаемом сегодня интервью писатель размышляет о постперестроечных событиях в политике, обществе, литературе, о своем творчестве.

Юрий ПОЛЯКОВ:

"Комедия масок в Кремле — трагедия России"

— Мои нынешние взгляды сформировались в 1989-1990 годах. Я видел, что к власти приходят совсем не те люди, которых мы ожидали. Может быть, более образованные, но начисто лишенные того государственного подхода, который необходим в любой стране, а в России особенно. Более того, эти люди пришли в политику, чтобы улучшить не нашу с вами жизнь, а собственную. Эту программу они плодотворно воплощают по сей день — решили проблемы всех своих детей, внуков и, полагая, отдаленных потомков, создав колоссальные проблемы нам и нашим отдаленным потомкам. Убедившись в этом, я занял отчетливо оппозиционную платформу, на которой пребываю по сей день.

— Это создало какие-то неудобства?

— Поначалу да: из любимца либеральной прессы я не то что бы превратился в нелюбимца, но холодное олимпийское равнодушие почувствовал. Но вот что любопытно. Эти издания в последнее время стали мною интересоваться. Я объясняю это так: настроения, которые пришли ко мне в конце 80-х, сейчас овладевают массами.

— Вы примкнули к какому-либо оппозиционному лагерю?

— Нет, не примкнул. Я считаю, что писательское дело — одинокое. Другое дело, что писателю нужна среда для проверки своих мыслей, настроений.

— Слышала, вы состоите в Партии любителей пива.

— Нет, я просто очень уважаю их "министра по делам молодежи" Владимира Преснякова-старшего. Я бы с удовольствием в эту партию вступил, но, к сожалению, склонен к полноте.

— Над чем сейчас работаете?

— Над романом "Козленок в молоке". Я много раз пытался его начать, и вот наконец дело пошло, так что надеюсь в ближайшее время его закончить. Тем более что связан контрактом с французским издательством "Ашетт", а зарубежные издатели шутить не любят. Мой новый роман немножко юмористический, немножко мистический, немножко памфлетный и лирический. О нашем времени, начиная с перестройки. Все происходящее показано сквозь призму литературной жизни. Я описываю ее нравы, судьбу писателя в достаточно фарсовом ключе. Подозреваю, что после выхода романа поссорюсь со многими известными писателями.

— А что принесло известность вам?

— К началу перестройки у меня в столе были две вещи: "ЧП районного масштаба" и "Сто дней до приказа". "Сто дней..." написаны в 1980 году, "ЧП..." — в 1981-м. Горбачев пришел к власти в марте 1985-го, а "ЧП" вышло уже в январском номере "Юности" того же года. Помню "застойные" разговоры в ресторане ЦДЛ после очередной бутылки водки — о проклятых коммунах, которые не дают сказать правду. Но когда с приходом перемен раздался клич "Писатели, открывайте ящики письменных столов!", выяснилось, что ненапечатанного в них не так уж много. В сознании многих писателей жил некий генетический творческий испуг, и они не решались писать "непроходняк".

— Судя по вашим произведениям тех лет, у вас генетического испуга не было. Не потому ли, что вы были еще очень молоды?

— Конечно. Это во-первых. Во-вторых, удачная судьба. Я ведь вступил в Союз писателей в 1981-м и в течение многих лет был самым молодым его

членом вместе с драматургом Сашей Ремезом. И нас усердно афишировали. К тому же я тогда активно и с большим удовольствием занимался общественной работой. Был секретарем комсомольской организации СП, членом бюро райкома. А почему, собственно, и не заниматься этим с удовольствием? Комсомол тогда был единственной сферой, где молодой человек со склонностями к общественной деятельности мог реализоваться, не конфликтуя с режимом. В оппозиции к режиму я себя не чувствовал, но видел его слабые стороны. О них и писал. "Сто дней до приказа" мне предложили передать за границу, я отказался: считал, что это должны читать здесь. Забавно, что в высоких военных и прочих структурах мне говорили то же самое, но в форме предупреждения: "Смотри, это не должно уйти на Запад, это должны читать здесь". Длинные и путаные истории взаимоотношений с властью были тогда у всех писателей. Вызывают меня в ГлавПУР: "Неужели вы думаете, мы не знаем того, что вы описали в книге "Сто дней до приказа"? Вы это сделали талантливо, нам такие люди нужны, но мы вам можем про армию рассказать в десять раз больше. Просто сейчас не время об этом говорить, так что пусть эта вещь полежит, а вы напишите нам про армию что-нибудь хорошее. Мы вам премию дадим".

Повесть "ЧП районного масштаба" тоже ходила по "структурам", до политбюро доходила... Секретари ЦК ВЛКСМ меня вызывали, снимали пиджаки, закуривали и тоже начинали рассказывать о своих проблемах, о которых я еще не знал, и говорили: "Все очень правильно ты описал, но слишком зло. Надо бы добрее". Я говорил: "Не могу добрее".

— Сюжеты... Как они рождаются?

— Сюжет "ЧП районного масштаба" мне подсказал нынешний главный редактор "Московского комсомольца" Павел Гусев, который тогда был первым секретарем Краснопресненского райкома ВЛКСМ, а я — членом бюро. (Союз писателей находился в этом районе). Я ему как-то раз говорю: "Хочу написать обо всем этом бардаке, которым стал комсомол. Может, знаешь случаи, когда кто-то бросал на стол комсомольский билет?" — "Да все это фигня", — отвечает Гусев. — Вот в Кунцевском районе вообще райком разгромили. Залезли и разгромили".

— В вашей повести "Апофигей" симпатичный герой в определенных обстоятельствах становится подлецом. Значит ли это, что, на ваш взгляд, обстоятельства формируют нравственность?

— И подлеца, и подвижника часто делают именно обстоятельства. Эта проблема всегда меня волновала. Наиболее выпукло она выражается во взаимоотношениях человека и власти.

Что произошло со многими нашими политическими деятелями, которых мы еще помним лодными с ясными глазами, с чистыми лицами? Конечно, в нынешних властных структурах много проходивцев, но ведь были же и такие, что пошли туда с высокими идеалами? Где они сегодня? Некоторые сознательно сошли с дистанции, поняв, что превращаются в монстров. К ним я отношусь с уважением. Но большинство, хлебнув колдовского напиться власти, творят все что угодно.

— Но, насколько я заметила, откровенных негодяев в ваших книгах нет.

— Я пытаюсь если и не простить несимпатичного героя, то понять и показать, как он стал таким. Мне вообще не нравится литература, которая тиражирует образ врага. Партократ — так палац, либерал — так агент "Моссда"... В жизни все и проще, и сложнее. Задача литературы — эту сложную простоту и простую сложность поймать. Меня порой обвиняют в конъюнктуре: мол, просчитываешь темы. Нет, я никогда не вычисляю тему, я чувствую: мне хочется написать именно об этом.

Так вышло с повестью "Демгородок". Я понял, что эти политики — прототипы моих персонажей — ничего, кроме несчастья, стране не принесут. И к тому моменту, когда это произошло со страной, когда она развалилась, во мне накопилась масса негативной энергии. Я от нее избавился — разрядился, написав "Демгородок". Но в процессе писания понял, что эти люди у кормила власти по-своему несчастные. И смешные. И убогие. Я писал правду — и получилась комедия масок. К сожалению, комедия масок, разворачивающаяся сейчас в Кремле, — трагедия для людей, живущих на огромных пространствах России.

Беседу вела
Елена БЕЛОСТОЦКАЯ.